

Николай Добролюбов

**Заграничные прения
о положении
русского духовенства**

Николай Александрович Добролюбов

Заграничные прения о положении русского духовенства

В статье «Заграничные прения о положении русского духовенства» Добролюбов выступает с критикой официозных опровержений книги И. С. Беллюстина «Описание сельского духовенства», изданной без имени автора в Лейпциге в 1858 г. и запрещенной к ввозу в Россию. Автор книги – провинциальный священник – нарисовал в ней яркую картину нравственного разложения, невежества, нищеты и бесправия низшего духовенства. О впечатлении, которое она произвела, позволяет судить отзыв обер-прокурора Синода А. П. Толстого, который назвал Беллюстина «духовным Щедринным».

Содержание

#1	0005
Примечания	0052

**Николай Александрович
Добролюбов
Заграничные прения о
положении русского
духовенства**

(Русское духовенство. Берлин, 1859)

Книжка эта составлена из нескольких статей разных авторов{1} и издана по поводу вышедшей в прошлом году за границей книги «Описание сельского духовенства в России». Вот уже в другой раз приходится нам говорить об опровержениях на эту книгу, а самой книги мы еще не видали. В прошлом году мы уже заметили странность такого явления, разбирая «Мысли светского человека об “Описании сельского духовенства”»{2}. Не можем не повторить и теперь выражения нашего удивления, тем более что в книге, лежащей теперь перед нами, мы находим много упреков автору «Описания сельского духовенства» именно за то, что он издал книгу свою за границей, а не на родине. Эти упреки прежде всего поразили нас своей странностью, и мы считаем нелишним привести их и сделать по поводу их несколько замечаний.

В книжке семь статей. Автор первой из них – «Разоблачение клеветы на русское духовенство» – говорит в заключение своего разбора: «Грустно, что *перед Европою* выставлено в такой мрачной картине наше духовенство, и кем же? служителем самой церкви... Если

он был проникнут действительно сознанием недостатков и скорбей своего звания, зачем, подражая Хаму, открывать наготу отца *перед чужими людьми*? Вероятно, автор боялся, что духовные слишком скоро узнают все его преувеличения, все его прикрасы, все обобщения и представления частных случаев в виде общего характера всего сословия» (стр. 50). Ясно, что автор приписывает появление книги за границу тому обстоятельству, что автор ее боялся скорых обличений, если бы издал ее в России.

Другой автор в статье «Суждение о книге «Описание сельского духовенства»» говорит в этом же роде: «Хорош ли был бы сын, который бы, заметив в родителях недостатки, стал про них кричать вслух целого света? Нет, любовь к ним, чистая, искренняя любовь, никогда бы на то не решилась; нет, она скорее заставила бы сына обратиться к самим родителям или, еще лучше, к тем доверенным лицам, которые бы могли на них иметь большое влияние, обратиться с просьбою, чтобы они своим авторитетом озаботились исправить недостатки родителей, столь тяж-

кие для любящего сына... Как назвать человека, который в училище, как в лоне родительском, получил воспитание и чрез то средства к жизни, – и потом удалился на страну далече и там решился вслух всего света так бесстыдно позорить место своего образования?» (стр. 133). Далее, говоря о том, что автор «Описания» изобразил только мрачную сторону духовенства, автор статьи восклицает: «И где же все это? Не в родной нашей земле, где бы не могли ему поверить, а далеко, далеко от нас, за границую», и т. д. (стр. 134).

Жалобы эти могут показаться очень основательными тем, кто незнаком со всеми условиями, от которых зависит в России выход книг, трактующих о духовных предметах. Но стоит раскрыть нам Цензурный устав, и дело объяснится. Там мы увидим, что один из основных пунктов устава есть то, что не должно пропускать в печать ничего противного православной церкви. Но этим дело не ограничивается. Всякая книга и статья, трактующая о предметах духовных, не доверяется разрешению одного общего, гражданского цензора, а отсылается в духовную цензуру. Подроб-

ностей устава духовной цензуры мы не знаем; но на основании многих фактов, которых нам привелось быть свидетелями, полагаем, что он очень строг или очень неопределен). Так, например, мы постоянно видим, что отзывы о лицах духовного звания смешиваются с мнениями о самой церкви и на этом основании, как противные православию, не пропускаются в печать, за весьма редкими исключениями. Такое смешение понятий нашли мы отчасти и в книжке «Русское духовенство». Автор одной из статей ее нападает, например, на г. Погодина за то что он высказал такую мысль: «Как чиновники в частной жизни еще не составляют юстиции, так точно и духовные вне священнослужения еще не составляют церкви»{3}. Мысль г. Погодина ясна: он именно хочет отделить частную личность священника от общего понятия о церкви, ее учении, таинствах и пр. Но автор статейки очень резко замечает: «Удивительно, как академик и профессор мог высказать такую дикую мысль», и замечание это сопровождается тремя восклицательными знаками!!! (стр. 58). Очевидно, что автор сам не имеет должного

понятия о различии между частными личностями и между тем служением, которое на них возложено. Можно сказать без преувеличения, что такое смешение этих двух понятий, совершенно различных между собою, господствует в большей или меньшей степени во всем нашем духовенстве. Что оно проявляется и в центральной его деятельности, свидетельствует (не говоря ни о чем другом) уже и тот факт, что «Описание сельского духовенства» до сих пор не дозволено в России. По отзывам людей, читавших ее, и из выписок, сделанных в опровержениях, видно, что книга эта вовсе не враждебна христианской церкви и учению православия. Она не подкапывает никаких догматов, не восстает против основ церковного строения, а ограничивается только изложением темных сторон быта сельского духовенства, недостатков семинарского образования, злоупотреблений, допускаемых консисториями и архиереями. И между тем она до сих пор запрещена в продаже, между тем как опровержения на нее – одно напечатано в Петербурге, другое привезено сюда из Берлина и разрешено к свободной

продаже во всех книжных лавках.

Мы не осуждаем, безусловно, действий духовной цензуры: они могут оправдываться разными особенными соображениями. Но мы хотим указать на ее характер для того, чтобы видна была неосновательность упрека автору «Описания» за то, что его книга напечатана за границей. Оправдание его против этого упрека очень просто: он *не мог* ее напечатать в России. Если теперь, уже напечатанную, ее не пропускают в Россию, то как же можно думать, что ее дозволили бы, если б автор или издатель вздумал здесь представить ее в цензуру? Если человека не пускают идти прямым путем – можно ли казнить его за то, что он обойдет окольным?..

Но, скажут нам, – чего не позволяют, того и не нужно делать. Если автор знал, что его книгу не позволит цензура, то он не должен был даже и писать ее, не только что посылать за границу. Совершенная правда. Но для автора – впрочем, он остается тут в стороне уже и потому, что не сам издал свою книгу, – итак – для издателя эти самые соображения могли представляться в другом виде. Он мог думать:

«Намерения автора недурны; он хочет обратить общее внимание на бедственное положение духовенства, для того чтобы приняты были меры к его улучшению. По моим убеждениям, закон этого не запрещает; но те, которые служат истолкователями и блюстителями закона, расходятся со мной во взгляде на этот пункт. Попробую же я, обошедши их, предстать на общий суд прямо с моими убеждениями и с моим пониманием закона». Какова бы ни была степень справедливости этих рассуждений, но то достоверно, что они *неизбежно и неминуемо* являются у людей, которые лишены возможности свободно и прямо выражать свои мысли. Дело это очень важно, и о нем следует серьезно подумать тем, кого оно касается. Выскажем об этом с своей стороны несколько замечаний в надежде, что духовная цензура не увидит в них ничего противного христианству и православию.

Во время Крымской войны и вслед за ее окончанием – у нас оказалась потребность в переменах и улучшениях по всем почти частям общественного быта и государственного

управления. Перемены эти понемножку начали делаться и теперь делаются; о них стали говорить в официальных отчетах и приказах, стали толковать в обществе. Такое положение дел отразилось и в литературе: стали писать о многих предметах, которые прежде не смели появляться в печати. При этом, само собою разумеется, главное дело состояло в показании недостатков всего существующего для сведения и соображения тех, кому приходилось придумывать меры исправления и улучшения; иногда предлагались в литературе и проекты самых улучшений. В числе недостатков, на которые нападала литература, всегда можно отличить два рода: одни заключаются в злоупотреблениях или неспособности *личностей*, другие – в самой организации известной отрасли... Это стремление к обличению было так обще и в то же время так скромно и благонамеренно, что правительство решилось ему не противиться. Вследствие этого как общая цензура, так и частные цензуры *всех ведомств светских* – стали пропускать в печати много таких статей, в которых указывались не только личные злоупотребления,

но и некоторые частные недостатки той или другой статьи самых законов. Все это, конечно, практической пользы принесло очень мало; но зато оживило литературу, дало публике чтение дельное и близкое к жизни, вместо прежних приторных идиллий и глупых сказок всякого рода, заставило благословлять наше время, в которое оглашаются такие вещи, и, наконец, смягчило то глухое, безмолвное, но тем более мрачное и зловещее раздражение, которое прежде таилось и смутно бродило в обществе и нередко от злоупотреблений частных переходило даже на общий характер правительственных действий. Прежде слухи о каких-нибудь беспорядках администрации пересказывались только в кружках знакомых; но так как беспорядков и злоупотреблений было немало, то слухами о них переполнены были все кружки, заняты все собрания... Слухи эти перемешивались, переплетались с другими, преувеличивались до громадных размеров, задевали людей совершенно невинных, щадя действительных негодяев, и т. п. Как совершенная нелепость, слухи эти могли быть вредны для самого общества, по

никому не могли принести пользы. Литература взялась извлечь из них пользу, приняла их под свой контроль и затем пустила их в свет под своей ответственностью. То, что напечатано, тем хорошо, что уж твердо и неизменно сидит в книге. Переделать, исказить, перевернуть уж нельзя: сейчас можно справиться; если неверно – отпереться тоже нельзя: улика налицо; если кто хочет отвечать – опять удобство: обвинение закреплено печатью, у всех пред глазами, и, следовательно, отвечающий знает, что именно ему опровергать, против чего оправдываться. Так и идет теперь наша светская литература, разумеется, в тех пределах, какие указаны ей Цензурным уставом и о которых мы говорили в одной из наших рецензий в прошлом году[1]. Совершенно не то видим мы в вопросах, касающихся духовного ведомства. Современная литература обходит эти вопросы, и обходит не по пренебрежению к ним, а именно потому, что не имеет возможности свободно высказывать свои наблюдения, мнения и предположения. Некоторые замечают, что церковь и не нуждается в этом, так как она есть установление не челове-

ское, а божественное и, следовательно, совершенное и никаким переменам не подлежащее. Так. Но ведь никто из писателей и не думает касаться самых догматов православия, самых основ церковного устройства. И во всяком случае – на статьи подобного рода и могло бы быть налагаемо запрещение, если бы только они случились. А затем, указания на частные недостатки духовных лиц и временные нужды церкви могли бы быть печатаемы совершенно свободно. Ведь и в светской цензуре до сих пор не пропущено ни одной статьи, которая бы посягала на основной принцип русского государственного устройства – самодержавие, да и не слышно было, чтоб представлялись в цензуру подобные статьи; а между тем частные злоупотребления обличались, и цензура пропускала их на том основании, что они не только не разрушают нашего государственного принципа, но еще укрепляют его, когда показывают, что все недостатки происходят не от него, а от частных злоупотреблений. То же самое могло бы быть и в духовном ведомстве. Основам православия нисколько не повредит, если станут

писать, например, о духовных консисториях, о существующих отношениях высшей духовной власти к низшему причту, об отношениях священника к прихожанам, об организации учебной части в духовных училищах, о значении различных мер, принимаемых и принимавшихся против раскола, и пр. Ведь устройство духовных консисторий, преподавание агрономии или медицины в семинариях и т. п. не определяется ни священным писанием, ни соборами, ни отцами церкви; это дело временных потребностей и сообразно с ними может изменяться... Что же касается до личных недостатков духовных служителей, то здесь, кажется, нужно бы дать уже полную свободу печатать все, что угодно, без всякого ограничения, и притом тем с большею смелостью, чем выше стоит духовное лицо, о котором пишут. Пусть будет и ложь печататься – беды нет; служитель церкви – не чиновник, которого деятельность теряется в сотне других подобных. На священника устремлены взгляды целого прихода – нескольких сотен, иногда и тысяч человек. Ложь о нем – не под рукою пущенная и коварно разнесенная ше-

потом, а гласная, напечатанная – всегда вызовет опровержение, и истина явится после нее еще в более ярком свете. Не допущенная в печать, ложь все-таки останется и, затаившись где-нибудь в темноте, станет оттуда поражать честного деятеля сплетнями и клеветами, которых даже и опровергнуть нельзя, потому что они неуловимы; а как же бороться с неуловимым?.. Не всё же клеветники и злодеи между людьми пишущими: найдутся и такие, которые напишут чистую правду, из искреннего желания добра. Зачем же их-то подводить под общую мерку и не давать их замечаниям гласности? Неужели в духовном сословии должны мы подозревать боязнь огласки, опасение открыть пред людьми свои недостатки? Это было бы слишком печально!.. Уступая силе общего направления, мирские люди всех ведомств и всех состояний подвергли себя публичному обличению и не считают преступниками тех, кто всенародно и печатно раскрывает их недостатки. А духовенство должно бы, кажется, подавать пример смиренномудрия; оно должно бы более всех других сословий сохранить память о пер-

воначалном христианском обществе, в котором существовала открытая, всеобщая исповедь; оно должно бы постоянно помнить пример первоверховного апостола Павла, который, не убоясь никаких последствий, пред лицом новообращенных обличил Петра в слабости и двоедушии за то, что тот неодинаково вел себя в глазах христиан из язычников и христиан из евреев{4}. И между тем что же мы видим? – Все поднялись на самообличение, все стремятся заявить истину о своей жизни и обстановке своего быта; одно духовенство не только молчит, но еще смотрит с неприязнью и подозрением на всякую постороннюю попытку в этом роде... Достоин ли это истинных пастырей церкви, которые должны подавать светским людям пример самоотвержения, смирения и любви к правде?

Опасаются, чтобы выходки против частных лиц духовных, повторяясь в печати чаще и чаще, не бросили тени вообще на духовенство и не повели к презрению даже самой церкви. Но это опасение (если бы оно даже и было основательно) никак не может быть успокоено запрещением печатания обличи-

тельных статей на духовных. Этим путем не остановишь даже и печатного их распространения, а напротив – придашь им значение, которого без того они не могли бы иметь. Об этом еще в двадцатых годах Пушкин говорил в послании к цензору:

*Чего боишься ты? Поверь мне: чьи забавы —
Осмеивать закон, правительство
и нравы, —
Тот не подвергнется взысканью
твоему,
Тот незнаком тебе, – мы знаем,
почему, —
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в
свете...{5}*

Теперь явилась возможность печатать за границей, стало быть уж и не *рукопись* будет разгуливать, а *книга печатная*, которая, во всяком случае, надежнее и вернее рукописи и скорее распространяется. И даже ничтожная вещь, напечатанная за границей, обратит на себя общее внимание именно потому, что она за границей явилась. Всякий знает, что мно-

гих вещей здесь не позволяют печатать, и потому всякий думает: «А, за границей напечатано! значит, что-нибудь новое, что-нибудь такое, чего здесь нельзя печатать!» И на этом основании бросаются доставать книгу, платят за нее большие деньги и потом, как диковинкой, хвастаются и дают читать тем, кто не в состоянии сам купить... А будь она здесь напечатана – на нее бы и внимания не обратили. Доказательством этого может служить то самое дело, о котором мы теперь рассуждаем. В книжке «Русское духовенство» есть статья: «Духовное звание в России». В примечании к ней от издателя сказано, что она заимствована из одного русского повременного издания. Между тем мы, даже в кругу людей, довольно близко интересующихся литературой, никогда и ни от кого не слышали ни одного упоминания об этой статье{6}. А в то же время об «Описании сельского духовенства» мы уже слышали множество разнообразных рассуждений, и наши знакомые выражали большое изумление, когда мы говорили, что до сих пор еще не читали этой книги... Чтобы наше показание не принято было за произвольное,

мы представим, пожалуй, удостоверение в популярности «Описания» из самых опровержений, изданных в Берлине.

В предисловии издателя говорится, что «в России неизвестным путем появилась она во множестве экземпляров» (стр. XII).

В первой статье, в самом начале, засвидетельствовано: «Книгу эту многие читают, перечитывают и находят, что некоторые темные краски, которыми очерчена жизнь сельского священника, взяты тут с натуры» (стр. 1).

Во второй статье, тоже в начале, говорится: «Хотя книга эта напечатана за границею, но оттуда какими-то путями проникла и в Россию и здесь с увлечением читается и перечитывается многими» (стр. 61).

В «Мыслях светского человека», тоже перепечатанных в берлинской книжке, указано на то, что «книга сия переведена уже на французский и немецкий язык» (стр. 353) и что на нее «указывают даже в наставление архипастырям» (стр. 357). Вообще о распространении книги говорится вот что: «Вредная и бессознательная книга, проникая мало-помалу во все

слои общества, высшего и низшего, производит везде губительные опустошения» (стр. 353).

Итак, к чему же служат все предосторожности, вся боязливость относительно печатания в России обличительных статей на духовенство? Ведь все равно: потока не остановишь. До сих пор не писали ничего, потому что еще мало интересовались духовным вопросом. Теперь, начиная приходить к сознательной жизни, захотели несколько сознательнее взглянуть и на значение духовенства в нравственной жизни народа и потому стали интересоваться духовенством. А коли уже стали интересоваться – писать будут, какие бы препятствия ни ставили... Только, разумеется, чем больше станут мешать, тем раздражение будет сильнее. Это и очень естественно: люди скромные, люди средних стремлений махнут рукой и замолчат; а если кто пойдет окольным путем, чтоб только заявить себя, так это, разумеется, на первый раз самые задорные люди, и вся пропаганда попадет в их руки...

Впрочем, если бы даже и могли остано-

вить печатное слово – все-таки делу не помогли бы. Общее мнение составляется не по книжкам и статькам; напротив, книжки и статейки служат обыкновенно только отражением общественного мнения. А общее понятие о духовенстве давно уже составлено в нашем обществе, и если спросить по совести кого угодно из духовных, каждый, конечно, сознается, что понятие это далеко не в их пользу. Виною этого предшествующие факты русской жизни и поведение самого духовенства, а уж никак не литература. Мужики наши ничего не читают; а можно ли сказать, чтоб они очень уважали священников и причетников? Стоит послушать сказки народа и заметить, какая там роль дается всегда «попу, попадье, поповой дочери и попову работнику», – стоит припомнить названия, которыми чествуют в народе «поповскую породу»{7}, чтобы понять, что тут уважения никакого не сохранилось. О помещиках нечего и говорить... И замечательно, что чем необразованнее помещик, тем он хуже обходится со священником. На это примеры есть в той же берлинской книжке... А все винят литературу!..

Вот слова священника Грекова в статье «О духовном звании в России» (стр. 147):

Вообще неуважение к священному сану так развито у светских людей, что каждый даже мелкий чиновник, один из числа тех, о которых кто-то из поэтов написал: «Коллежский регистратор – почтовой станции диктатор»{8} – считает себя не только выше священника, но и прямо требует от него подобострастного уважения, а господа познатнее, в особенности помещики, играют нами, как шашками. Иной на своем веку тем только и занимается, что переменяет в своей деревне священников, интригуя против них. Спросите: «По какому праву так распоряжаются священниками, когда и рабство крестьян ныне считается уже недостойным просвещения?» – вам ответит помещик, не запинаясь: «Как, по какому праву? Моя деревня, моя церковь, мой поп, мой и приход». После этого вы, конечно, отгадаете, что у такого владельца образованному священнику еще труднее жить, чем необразованному.

В подтверждение слов своих священник рассказывает случай об одной помещице, которая, переменяв в короткое время до пяти священников, обратилась наконец с просьбой к епископу – посвятить ей во священники дьячка ее, который, кроме невежества, имел еще физический недостаток: был слеп на один глаз. Когда же владыка спросил: что ее заставляет домогаться иметь священником собственного дьячка? – она отвечала: «Владыко святой, бог с ними, с учеными; многого требуют выполнять, а где нам все исполнить?» – «Так этот же, – возразил владыка, – вовсе ничего не знает». – «Это правда, – ответила помещица, – но зато он у меня такой послушный, как мокрая курица» (стр. 149).

В другом месте своей статьи почтенный священник сознается, что «*общим* недостатком духовенства считают обыкновенно недостаток доброй нравственности». Он удивляется, откуда такое нареkanie на духовенство, и спрашивает: «Чем оно заслужило такую репутацию?» (стр. 159).

Вообще все статьи берлинской книжки, имеющие в виду защиту духовенства, испол-

нены жалоб на его жалкое положение и на недостаток уважения к нему в обществе. Жалобы эти вполне справедливы. Но где же причина такого неуважения? Причин, конечно, много; но мы не ошибемся, если скажем, что одну из важных причин составляет решительная невозможность у нас гласных, печатных суждений о духовенстве. У нас можно писать только общие похвальные места о духовных; но на это ни один порядочный писатель не решится. Оттого у нас, при необычайном обилии рассказов всякого рода из частной, семейной жизни разных сословий, нигде почти не является участие духовного лица: как будто они не имеют ни малейшего соприкосновения с нашей действительной жизнью... И продолжают они являться только в устных анекдотах не совсем скромного свойства, да в простонародных сказках скандалёзного содержания, да в сплетнях, разносимых из дома в дом набожными старушками.

Кроме того, отсутствие гласных рассуждений о духовенстве, как будто ограждая его от неосновательных нареканий, а в самом деле, напротив, подвергая им, – в то же время ли-

шает самих духовных всех удобств гласности. Не желая видеть статей о себе, они по тому самому принуждены отказаться и от всякого притязания самим возвышать голос в защиту от мелких неприятностей и притеснений, которым иногда подвергаются. Следствием того бывает, что ими помыкают очень многие, как людьми совершенно безгласными. Оттого и происходят такие случаи, о которых говорится, например, в статье «Разоблачение клевет» (стр. 54–55):

Что может сделать у нас, например, сельский священник? Помещики и земское начальство подозрительно смотрят на всякое увеличение влияния духовенства. В нем они могут видеть постоянных свидетелей своих злоупотреблений и стараться уронить их значение и силу. Недавно в К-ской епархии донесли губернатору на священников, как на бунтовщиков, за то, что они стали склонять к трезвости своих прихожан и успели убедить к этому некоторых. В одном селе N-ской епархии священник стал убеждать управляющего не тиранить крестьян, а их

убеждал к терпению, потому что недолго им терпеть; и его выставили возмутителем крестьян против помещика, и он лишился места. Случилось священнику нескольких раскольников обратиться к церкви: их единомышленники сплетают при посредстве земской власти на него ряд обвинений, и он также лишается места этого и переводится на другое.

Если бы относительно духовенства допускалась у нас полная гласность, то, конечно, было бы менее возможности для подобных случаев. Обман, и особенно обман официальный, всегда живет под покровом и негласности и тайны. Как скоро является возможность публичного протеста против него – он становится по крайней мере осторожнее, зная, что его всякий может обличить и поверить... Только для этого нужно, разумеется, дать равную возможность и право речи обеим сторонам. Иначе дело будет только испорчено и внушит подозрение в своей правоте всем благонамеренным людям.

Рассуждение это может быть применено и к настоящему случаю. Мы читаем несколько

опровержений на «Описание сельского духовенства» и очень желали бы верить словам их о том, что «Описание» это гнусно, безнравственно, противно духу православия и совершенно ложно... Но, по совести, мы не можем принять такого решения, не издав самой книги. Из отрывочных небольших выписок в пять-шесть строчек нельзя видеть настоящего смысла полной речи автора и тем менее можно судить об истинном значении всей его книги. Напротив, в опровержениях мы находим много доказательств того, что автор «Описания» сказал много правды, а с другой стороны, видим крайнее раздражение и неосновательность многих возражений. В прошлом году мы видели, как «Светский человек», обвиняя автора за резкость тона, сам в то же время не стыдится обременять его весьма грубыми и бездоказательными ругательствами, которые тем неприятнее видеть в печати, что обвиняемый автор, очевидно, лишен возможности печатно защищаться пред русской публикой. Теперь мы видим, что, кроме своей легкомысленности, этот разбор «Светского человека» весьма во многом

расходится с понятиями самих духовных, пишущих о том же предмете. Так, например, «Светский человек» пишет, что в «Описании» «все представлено в превратном виде» (стр. 373); другая же обличительная статья начинается словами: «Не одна только ложь и клевета, а частью и грустная правда высказана в книге “Описание сельского духовенства”» (стр. 1). «Светский человек» восстает против желания автора, чтобы преподавание медицины было усилено в семинариях, и считает даже богопротивною мысль, что священники, врачи духовные, должны быть в своих приходах вместе и врачами телесными. Прикоснувшись к какому-нибудь мужику, больному позорною болезнью, – как после того приступит священник к совершению святых тайн? – восклицает «Светский человек», полагая, как видно, достоинство христианина в большей или меньшей эlegantности. Но духовные лица, пишущие против «Описания», напротив, признают всю пользу преподавания медицины в семинариях. Вообще, как люди более знакомые с делом, они гораздо более делают признаний в справедливости тех или других

заметок «Описания». Только сами издатели книги оказываются еще более поверхностными и представляют доводы еще более неосновательные и пустые, нежели сам «Светский человек». По всему видно, что они не могли хорошенько уразуметь даже общего смысла тех статей, которые попались им в руки для издания. Все статьи, несмотря на свои частные противоречия в разных частях, дают один общий вывод – тот, что внешнее положение русского духовенства и самого духовного образования и управления далеко не удовлетворительно. Сам «Светский человек» соглашается, что преобразования нужны (стр. 372). Издатели же книги, напротив, дают понять в предисловии, что все должно оставаться в том виде, как есть, *неизменным*. Они говорят, правда, об *учении* православия; но они указывают на его *неизменность* в упрек тем, которые пишут о дурном положении духовенства (так как в «Описании» никто не находит выходок против веры православной), следовательно, по их понятиям, и учение веры, и положение причта, и программы семинарские – все это одинаково должно остаться

неизменным...

Кроме того, издатели поступают совершенно не христианским образом, пуская в публику безыменные обвинения и ничем их не подтверждая. Они говорят, например, что журналы наши стремятся к разрушению религии и нравственности. Так, например, в одном издании пишут, что молиться все равно – в христианском ли храме или в языческом, а в другом отвергают брак. Затем издатели говорят: «Чтобы не вводить читателя в грустные размышления, ограничимся приведенными примерами» (стр. IX). Но разве два примера составляют все направление всех журналов? Да и где же еще это было напечатано и в каком виде? Много писали о несчастиях брачной жизни и о непрочности супружеского блаженства; но ведь за это еще нельзя казнить наши журналы таким выводом, как сделали издатели. По-нашему, лучше уж прямо разбирать статью и доказывать свои обвинения, нежели пускать такие уклончивые доносы из-за угла, никого не называя, но явно желая возбудить недоброжелательство ко всей русской литературе.

Впрочем, нужно сказать, что вся книжка, при всем разнообразии и даже некоторой противоположности статей, проникнута духом нетерпимости к чужим мнениям и притязанием – захватить право речи *только* в свою пользу. Кроме того, в ней находим чрезвычайно много фраз, длинные, водянистые общие места и очень мало дела. Несколько фактов приводится в статье первой: «Разоблачение клевет», и в этом отношении она заслуживает внимания. Но зато автор ее чрезвычайно смутно различает предметы, не умеет логически провести взятой им мысли и обнаруживает такие отсталые, дикие понятия, которых давно уже не одобряет просвещенное духовенство и правительство наше. Он, например, обвиняет правительство за то, что оно не преследует раскольников, и советует лишать их известных гражданских выгод и приманивать их из раскола, обещая эти выгоды в случае присоединения к православию... Признаемся, что не считаем таких советов согласными с правилами христианской любви и правды. Впрочем, чтобы нас не обвинили в голословности показания, приведем все рас-

суждение автора, сделавши несколько примечаний под строкою.

Кто не согласится, что раскол русский есть невежество, крайнее, бессмысленное невежество? Всякое невежество искореняется только просвещением. Забота правительства должна быть обращена особенно на образование народа. Долее всего этому просвещению будут противиться раскольники; но они увлекутся общим духом, общим движением. Организовать в одно целое этот отсадок русской жизни, дать ему единство под управлением какой-либо иерархии – в высшей степени неблагоприятно и вредно. Это значило бы – среди русского государства создать другое, совершенно враждебное всем началам государства, торжественно признать от имени правительства вождей, предводителей возмутительной анархической толпы, не хотящей знать ни церковной, ни гражданской власти, не имеющей ни малейшего уважения к их предписаниям и распоряжениям; это значило бы еще на долгое, на очень долгое время, даже навсегда, отдалить возможность их

присоединения к церкви, подчинения уставам государственным, дать возможность образоваться партии, способной произвести переворот в России, который отодвинет ее во времена допетровские, даст возможность верховного господства Пугачева с его клеветами[2].

Духовенство одно, без содействия гражданской власти ничего не может сделать к уничтожению раскола[3]. Раскол прежде всего есть отчуждение от церкви, вражда против нее; потому слово духовного лица выслушивается враждебно и не может иметь действия, кроме редких случаев[4]. А какие плоды могут приносить мудрые действия гражданской власти – пример этого показал в недавнее время Урал. Раскольники прямо говорят, что правительство не хочет их присоединения к церкви, что оно велит им оставаться в старой вере. В последнее время в вятской и костромской епархиях, и, вероятно, и в других соседних, распространились печатные манифесты от имени: то императора Александра, то императора Константина,

в которых им повелевается оставаться в старой вере. Многие раскольники говорят, что если бы царь хотел, чтобы мы присоединились к церкви, то он прямо бы сказал; а то мы не слышали от него подобного слова. Отчего бы, в самом деле, не выдать манифеста к раскольникам – не в виде решительного приказа, но в виде сильного увещания раскольникам присоединиться к церкви?[5] Между раскольниками надобно различать людей различных убеждений. Одни привязаны к расколу с полною уверенностью, что здесь только они могут найти себе спасение. Против таких людей строгие меры и бесполезны и незаконны. Хотя это люди самые упорные в расколе, но слово убеждения, согретое любовью евангельскою, во имя вечного спасения, скорее найдет доступ к их сердцу. Примеры обращения подобных людей из раскола к церкви представляет о. Парфений{9} с своими товарищами. Есть раскольники, которые следуют расколу потому, что следовали ему их отцы, не рассуждая, по упорству и упрямству русского характера, и таких

строгие меры могут только ожесточить. Просвещение есть единственное средство вывести их из этого состояния. Есть еще раскольники, которые держатся раскола потому, что здесь они находят выгоды, возможность безнаказанно удовлетворять своим страстям, не стесняться законами ни государственными, ни церковными, одним словом, жить по своей воле и наживаться на счет простяков, не имея никакой веры. Может ли правительство оставить подобных людей без стеснения?[6] Строгие меры против них не будут посягательством на религиозные убеждения, но только законным преследованием гражданского беспорядка. Не костер, не пытки[7] мы признаем нужными против них, но только такие меры, которые бы не оставляли им выгоды внешней оставаться в расколе. Они бросят раскол, когда увидят, что, оставаясь в нем, они теряют свои внешние выгоды. Были случаи, что бабы, носившие звание раскольничьих попов, из-за материальных выгод служили против раскольников[8]. Конечно, церковь не

приобретет в них добрых сыновей, но по крайней мере их дети воспитаются в церкви, по крайней мере они не будут соблазнять и увлекать других к отпадению от церкви временными выгодами. Есть еще раскольники, которые охотно бы перешли в церковь, если бы не связывали их отношения родственные или коммерческие с другими раскольниками. Они рады были бы случаю, который бы дал им возможность, не подвергая себя преследованию со стороны единоверцев, перейти к церкви. Но такой случай могут представить только принудительные меры правительства. Всего вреднее в деле обращения раскольников непостоянство мер правительства: слабые меры сменяются строгими, строгие слабыми[9]. Потому раскольники смотрят на все стеснительные меры против них как на вопрос денежный. Они говорят, что, верно, понадобился от нас миллион, – и везут его. Как мало верят раскольники в искренность желания правительства обратить их в церковь и, напротив, убеждены, что дело идет только об их деньгах, – рас-

скажу один случай. Возникло дело о со-
вращении в раскол мужа и жены. Архи-
ерей пожелал сам поговорить с ними,
чтобы подействовать на них силою
убеждения. Он призвал их и начал гово-
рить им сильно о том, что они поте-
ряют вечное спасение вне церкви. Види-
мо, обоим стало неловко: сила убеж-
дения была велика... И вот жена тол-
кает мужа, муж вытаскивает из-за
пазухи деньги и подает их архиерею.
«Что это значит?» – спрашивает ар-
хиерей. «Да уж перестаньте говорить,
батюшка, мы не знаем, что отвечать,
оставьте нас в покое». Можно себе
представить всю скорбь архиерея...
Чтобы действовать на раскольников
путем убеждения, нужно архиерею
иметь денежные средства, на кото-
рые бы он мог посылать особых, к то-
му приготовленных миссионеров – из
священников ли или из других лиц, да-
вая им хорошее содержание. Но архи-
ерей не имеет в своем распоряжении
денег на подобные издержки. Но, во
всяком случае, неправду говорит ав-
тор («Описания»), что раскольники не
переходят и все донесения об этом не

более как ложь. Где только гражданское начальство содействует духовной власти – там действия против раскола бывают плодотворны[10]. Но что делать духовному начальству, когда все его усилия парализуются действиями светских властей? А между тем вопрос о расколе вреднее для государства, нежели для церкви; раскол грозит большею опасностью государству, нежели церкви, от которой раскольники, как гнилые члены, уже совсем отделены. Понятно, почему Искандер с своею братиею громко вопиет против всяких строгих мер на раскол. Они видят в этой общине зародыш демократического начала, противного церкви и государству, долженствующего в их идеях преобразовать общество русское{10}. Но только их слепая, фанатическая любовь к своим идеям может в этом тернистом поле видеть семя свободы. Как ни ненавистна им поставленная от бога власть, но думаю, что они в тысячу раз лучше согласятся быть под ее управлением, нежели под управлением каких-нибудь Емельянов Пугачевых[11]

. Раскол отличается решительною нетерпимостью к другим верованиям и обычаям, заклятою враждою против всех, не принадлежащих их обществу[12]. И этот дух вражды, нетерпимости, вместе с крайним невежеством, придает такой характер расколу, что всякое благородное сердце должно обливаться кровию при мысли о нем.

Вот каковы суждения автора по поводу раскола! Видно, что он не обладает особенно светлым взглядом и не совсем искусно прикрывает свои затаенные мысли... И всякий из читателей согласится, что подобный автор и подобные рассуждения не могут внушить особенного доверия человеку беспристрастному. После этого как же мы можем на слово верить его обвинениям против автора «Описания сельского духовенства»?

Но замечательно, что даже и этот автор не может не сознаться в справедливости многих замечаний о недостатках духовного звания. Так, например, восхваляя семинарское образование, он, однако же, не может не признать следующих фактов (стр. 10):

Что касается до нравственного воспитания в духовных училищах, то его нельзя назвать вполне удовлетворительным. У нас более учат, чем воспитывают. Воспитание ограничивается почти только отрицательными мерами. Стараются не допускать воспитанников до шалостей и проступков; но мало заботятся о возбуждении воли к самостоятельности, о развитии живого сознания своих будущих обязанностей и стремления действовать неуклонно и неумолимо в звании учителя, руководителя, духовного отца народа. Беспрекословное повиновение даже одному капризу начальника – вот что считается обязанностью ученика! Оттого в характере семинариста образуется какая-то упругость, тягучесть, способность сживаться с обстоятельствами, выносить то, чего другой никогда бы, может быть, не перенес, но нет жажды свободной деятельности, стремления простереть свое влияние далее казенной формы; яснее сказать – нет желания и ревности стать чем-нибудь более, чем одним совершителем таинств и обрядов

для народа...

Может быть, автору кажется, что это недостаток неважный; но едва ли не он-то и служит причиной того, до рабства смиренного, беспрекословного отношения, в котором находятся часто духовные лица не только к своим начальникам, но и к помещикам, значительным прихожанам и вообще лицам сколько-нибудь влиятельным... Автор статьи сам сознает это и говорит далее (стр. 13):

Не осуждаем намерений начальства духовных училищ; оно имеет в виду послушание иноческое и исполнением своих приказаний без рассуждения думает приучить к смирению. Но прямо скажем, что оно ошибается и достигает противоположных результатов. Монашеское послушание есть обет произвольный и потому не обязательный для всех; требуй его от того, кто сознательно отрекся от своей воли! Начальник не должен забывать, что он не есть закон, но наблюдатель за исполнением закона. Зная горькие следствия непослушания, подчиняются и капризу; но в душе остается

скорбное чувство оскорбленного достоинства. Опыт показывает, что безропотно послушные подобного рода приказаниям в жизни семейной и общественной сами становятся деспотами. Ласковое, доверчивое, отеческое обращение смягчит грубость первоначального воспитания, даст свободу развитию мальчиков, принесет им решение на многие вопросы жизни, укажет им и настоящий способ действия в будущем их служении.

Говоря о духовных консисториях, автор также не может не согласиться, что их положение дурно. Вот его слова (стр. 28):

Консистории все ругают; лучшею считают петербургскую; в московской по крайней мере члены не берут взятку, а в провинциальных, говорят, они не уступают и подъячим в этом деле. Решительное преобразование их необходимо но только для спокойствия духовенства, но и для чести человечества. Самые строгие, самые деятельные архиереи, несмотря на все свое желание, не в силах исправить это зло при нынешнем устройстве, и украсить Георг-

гием 1-й степени нужно бы того, кто изобрел бы проект, разбивающий наголову это полчище взяточников.

Архиереев автор защищает от нареканий «Описания»; но и тут не может не заметить, что действительно – «жалкие формы, груды письменных дел из архиерея делают только чиновника; придумайте меры к сокращению этих пустых переписок, этой формальности, которою всегда может прикрыться злоупотребление, но которая отнимает время от дел духа и жизни» (стр. 41).

Таких сознаний довольно много можно найти во всей книжке; но мы обращаем внимание только на первую статью ее, потому что в ней только соблюдено еще некоторое уважение к фактам и есть дельные указания. Статья священника Грекова тоже имеет некоторое достоинство, но факты, приводимые в ней, слишком частны и не дают еще права ни на какие общие выводы: он говорит о своем приходе только. Что же касается до остальных пяти статей, то в них ничего нет, кроме общих мест реторической амплификации{11}. Один, например, в опровержение того, что

нынешнее преподавание в семинариях отстало и схоластично, приводит – что бы вы думали? – на 23 страницах имена русских архиереев, проповедников, ученых и вельмож, получивших образование в духовных училищах с XVII века. Между этими именами есть, конечно, никому не известные или замечательные вовсе не с блестящей стороны, как, например, Красовский, Сидоровский, Исаев, Донков, Никита Крылов{12}, Прокопович-Антонский{13}, Кирьяк Кондратович, Рубан, д. с. с. Шпиловский и т. п. Но это бы еще не беда. Дурно то, что весь этот перечень нейдет к делу. Мы все знаем, что первый университет основан у нас в 1755 году, а гимназии стали открываться в царствование императора Александра I. Поэтому мы нимало не восстаем против того, что Ломоносов, например, учился сначала в московском и киевском духовных училищах; но только что же из этого? Неужели подобные факты, хоть бы их было вдесятеро больше, чем представлено автором, доказывают, что нынешнее преподавание в семинариях и то, какое было 20–30 лет тому назад, – вполне современны и удовлетворительны?

Другой автор, написавший «о благотворном участии церкви и пастырей ее в судьбах России», – хочет доказать, что несправедливо упрекать нынешнее наше духовенство в разных недостатках, потому что оно имело полезное влияние на нашу историю... Как будто эти две вещи как-нибудь вяжутся между собою!..

Против таких статей спорить нечего: ясно, что авторы их более любят фразу, нежели дело, и рассуждение с ними будет переливанием из пустого в порожнее.

Но мы заметили еще одну черту во всех статьях опровержений – это противоречие авторов в разных вопросах. Мы выше уже указали их несколько. Приведем здесь еще одно, касающееся предмета довольно важного – жалованья духовенству. Одно опровержение на «Описание» так порицает его автора, недозвольного тем, что архиереи не согласились на предполагавшееся введение жалованья (стр. 23–24):

Прилично ли, законно ли иерею производить проклятие на архиереев за то, что они восставали против жалова-

нья духовенству? Без всякого преко-
словия, говорит апостол, меньшее от
большого благословляется... Неужели
автор книги не мог отгадать причин,
которые побуждали архиереев к подоб-
ной мере? 1) Дело шло о епархиях, где
духовенство имеет достаточное со-
держание и без того. 2) Определение
жалованья священникам от казны
могло поставить их на степень чинов-
ников, зависимых от гражданского на-
чальства, а для силы церкви, для ее
значения, для сохранения ее чистоты
требуется ее самостоятельность. 3)
Вознаграждение от прихожан за совер-
шение треб сближает священника с
прихожанами, ставит их в более
тесное взаимное отношение, застав-
ляет священника заботиться о любви
прихожан, а прихожан – принимать
участие в его семейном положении.
Один архиерей писал к Н., что некото-
рые священники, получающие жалова-
нье, не хотят совершать треб, не хо-
тят служить молебнов, требуя за них
неумеренного вознаграждения. Прихо-
жане не терпят в священнике коры-
столюбия и притязательности, но с

любовию дают по мере средств своих и почли бы себя оскорбленными, если бы священник отказался принять приношение их усердия. Рассказывали мне примеры, что прихожане стали удаляться от священников, как от чиновников, когда те стали жалованье получать; их подкупают, говорят они, и особенно этим пользовались раскольники, чтобы отдалить народ от духовенства.

Нам кажется, что статья эта писана тоже светским человеком, мало понимающим настоящее положение и надобности духовенства. Он говорит, между прочим, с некоторою небрежностью: «Средства жизни священников действительно скудны, но надобно припомнить, что и потребности их ограничены. Они рождены в этой скудости, в ней воспитаны, и им не тяжело и нести ее» (стр. 23). Такой отзыв показывает – или человека богатого из духовных, или вовсе не духовного. Духовное лицо, священник Греков, говорит вот что (стр. 153):

Порок корыстолюбия в духовенстве зависит не от воспитания и не от при-

родных наклонностей духовного сословия, а от способов его содержания. Обеспечьте нас как следует, дайте нам приличное содержание и тогда требуйте от нас совершенного бескорыстия. Мы не только не пожалеем тогда о своих доходах, но, напротив, будем радоваться, что избавились от этой тяжелой и горькой необходимости питаться подаянием. Это – мысль, общая всего духовенства, желание, постоянно высказываемое.

Одно сопоставление подобных мест доказывает уже, как необходимо для духовенства гласное, печатное обсуждение вопросов, касающихся его внешнего положения и устройства. Пусть не боятся духовные, что подобным обсуждением может быть унижено достоинство православной церкви. Напротив, ничем оно столько не ослабляется, как постоянным молчанием о духовном сословии, постоянным отчуждением его от того движения, которое совершается в литературе. Образованное общество, с одной стороны, видя недостатки, неизбежно существующие в духовенстве, а с другой, замечая, что все молчат о

них, между тем как громко говорят о всем другом, — общество имеет полное право думать, что духовенство само враждебно всякому исправлению и усовершенствованию, нетерпимо ко всякому постороннему мнению и желает навсегда остаться при тех же порядках, какие у него существуют ныне... Такое мнение сделалось теперь почти повсеместным в обществе, и духовенство не иначе может изменить его, как дозволением свободно и гласно обсуждать его действия и даже некоторые условия теперешней организации духовного ведомства.

Надеемся, что просвещенное духовенство примет без огорчения и без всяких подозрений наши искренние замечания, имеющие в виду единственно общую пользу. Появление в печати этой статьи да послужит доказательством того, что и духовное ведомство не желает стеснять благонамеренного и спокойно-го обсуждения относящихся к нему вопросов, до которых наконец необходимо же когда-нибудь дотронуться.

Примечания

Условные сокращения

Белинский – Белинский В. Г. Полное собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения».

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

ЖМНП – «Журнал министерства народного просвещения».

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство».

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

МВед – «Московские ведомости».

ОЗ – «Отечественные записки».

РБ – «Русская беседа».

РВ – «Русский вестник».

РСл – «Русское слово».

СПб Вед — «Санкт-Петербургские ведомости».

Совр. – «Современник».

Чернышевский – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1860, № 3, отд. III, с. 1–18, за подписью «Андрей Критский». Вошла в изд. 1862 г. с восстановлением цензурных изъятий. Первоначальный вариант статьи, предназначенный для № 1 «Современника» за 1860 г., был запрещен духовной цензурой. Добролюбов переделал статью и направил в Петербургский комитет духовной цензуры вместе с письмом, в котором указал на изменения, сделанные им в соответствии с замечаниями цензора, а также на необоснованность некоторых замечаний (см.: IX, 503–504). В исправленном виде статья была пропущена (с цензурными искажениями), но тем не менее вызвала недовольство в Главном управлении цензуры (подробнее о цензурной истории статьи см.: VI, 485–486).

В статье «Заграничные прения о положении русского духовенства» Добролюбов выступает – уже во второй раз – с критикой офи-

диозных опровержений книги И. С. Беллюстина «Описание сельского духовенства», изданной без имени автора в Лейпциге в 1858 г. и запрещенной к ввозу в Россию (первое выступление по этому поводу – рецензия на «Мысли Светского человека...»; см. примеч. 2). Автор книги – провинциальный священник – нарисовал в ней яркую картину нравственного разложения, невежества, нищеты и бесправия низшего духовенства. О впечатлении, которое она произвела, позволяет судить отзыв обер-прокурора Синода А. П. Толстого, который назвал Беллюстина «духовным Щедринным» (ЛН, т. 63, с. 198). По словам протоиерея В. Г. Певницкого, «как громом поразила и пришибла тогдашних архиереев эта громкая книга», «все интеллигентные люди... постарались ее достать... и прочитать, как ни трудно это было» (Русская старина, 1905, № 5, с. 542–543; см. также: Никитенко А. В. Дневник, т. 2. М., 1955, с. 31). В высших церковных сферах книга вызвала сильное беспокойство. Близкий к ним духовный писатель А. Н. Муравьев настоятельно просил митрополита московского Филарета: «Прикажите непре-

менно написать ответ на книгу о сельском духовенстве. Вы медлите, а книга сия, как яд, производит глубокие язвы в высшем кругу, и ей верят, как евангелию» (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 15. СПб., 1901, с. 127–128), и поспешил сам написать такой ответ – «Мысли Светского человека о книге «Описание сельского духовенства» (СПб., 1859). Более серьезной попыткой нейтрализовать впечатление, произведенное «Описанием сельского духовенства», явился сборник «Русское духовенство» (Берлин, 1859). Составителем сборника был бывший цензор Н. В. Елагин, автор брошюры «Искандер-Герцен» (Берлин, 1859) и других официозных сочинений, которые, по отзыву III Отделения, «никогда не пользовались уважением и почти никем не читаются» (см.: Герцен А. П. Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. 22. М. – Л., 1925, с. 123). Елагин постарался представить сборник как выражение мнения самого духовенства о крамольной книге. Издание сборника за границей, по-видимому, также было рассчитанным ходом: попыткой использовать авторитет русской заграничной

печати против нее самой.

Вместе с тем «Описание сельского духовенства» вызвало критику и в демократической среде. В архиве «Колокола» частично сохранилась рукопись, содержащая разбор этой книги (см. публикацию П. Г. Рындзюнского в ЛН, т. 63, с. 201–206). Неизвестный автор, считая, что духовенство, как и религия, осуждено историей на вымирание, выступает против каких-либо улучшений в положении этого сословия, так как видит в них угрозу умственному прогрессу. «Падайте молча, глубже, вы этого достойны», – говорит он русскому духовенству (там же, с. 202). Этот отзыв оттеняет широту демократизма Добролюбова, который, разделяя отношение корреспондента «Колокола» к религии и церкви, не мог отказать в общественном внимании бедственному положению целого социального слоя.

Не имея возможности прямо обратиться к запрещенной книге, Добролюбов пропагандирует ее, показывая неубедительность «опровержений» и извлекая из них факты, подтверждающие правдивость «Описания сельского духовенства». Но статья Добролюбова, в отли-

чие от других откликов на сборник «Русское духовенство» (Светоч, 1860, кн. 1, отд. III, с. 85–94; Московский вестник, 1860, № 4; БДЧ, 1860, № 6 – рецензия П. И. Вейнберга), на сводится к выявлению беспомощности и несостоятельности этих «опровержений». Защита запрещенной книги служит Добролюбову поводом и формой для оправдания и даже «обоснования» бесцензурной литературы вообще. При этом Добролюбову пришлось проявить большую изобретательность, так как осуждение в печати цензуры, как и любого другого государственного учреждения, было цензурными правилами запрещено. Внешне в статье критикуется, и то довольно умеренно – за «крайности», – только одно цензурное ведомство – духовное, а светскую цензуру автор даже ставит в пример за то, что она, не допуская обсуждения основ общественного порядка, разрешает критику частных злоупотреблений и недостатков. При этом Добролюбов указывает, что такая критика «не только не разрушает нашего государственного принципа, но еще и укрепляет его». Такими исполненными скрытой иронии «похвалами» кри-

тик – в период наибольшего ослабления цензурного гнета и всеобщего убеждения в процветании гласности – демонстрирует отсутствие подлинной гласности в России, а заодно еще раз подчеркивает мелкотравчатость либерального обличительства. С другой стороны, критик отстаивает: право личности «свободно и прямо выражать свои мысли», даже если они противоречат существующим законам, и указывает на бесцензурную литературу как на неизбежный результат этой естественной и неискоренимой потребности.

Настоящая статья – наиболее значительное, но не единственное выступление Добролюбова в защиту свободы слова. Таковы также переведенная критиком статья из английской газеты «Times» «О праве журналов следить за судебными процессами» (III, 385–388), рецензия «Постановления о литераторах, издателях и типографиях» (см. примеч. 4). Эти выступления дополняли и поясняли постоянные насмешки Добролюбова (главным образом – в «Свистке») над обличительством и другими проявлениями либеральной «гласности», насмешки, которые нередко вос-

принимались как выражение равнодушия и даже вражды к свободе слова. Примером служит известная статья А. И. Герцена «Very dangerous!!!» (Колокол, 1859, 1 июня). Статья Добролюбова, возможно, является своеобразным ответом на обвинения Герцена. Ту же тему разрабатывает Н. Г. Чернышевский в статье «Вопрос о свободе журналистики во Франции» (Совр., 1859, № 10).

Сноски

1

Просим читателя справиться в библиографии августовской книжки «Современника» за 1859 год{14}.

[^^^]

2

Трудно совместить в немногих строках более противоречий, чем здесь. Если раскол так *бесмыслен*, то с какой стати опасаться, что он организуется в партию, да еще способную произвести переворот в России?.. И если все раскольники составляют анархическую, возмутительную толпу, то каким образом могут они создать особое *государство* среди русского государства? Как видно, автор не имеет ни малейшего понятия о самых первых требованиях и условиях государственной жизни. Да и почему он думает, что партия, желающая произвести переворот, непременно нуждается-

ся для успеха в этом в признании от правительства? Кажется, напротив, всякая скрытая партия, всякое тайное общество, как скоро оно открыто узаконяется и получает право гражданства, – уже чрез то самое теряет половину своей разрушительной силы.

[^^^]

3

Хорошо признание, если оно вышло из уст духовного лица!.. Так вот каковы наши миссионеры, наши проповедники веры Христовой: им нужно содействие гражданской власти – исправников, становых, окружных и т. д.!.. А кто же содействовал христианским миссионерам, отправлявшимся на проповедь в отдаленные страны, к народам диким, неведомым?.. *«Духовенство одно ничего не может сделать»!* И в чем же? В таком деле, которое только и возможно сделать словом духовного убеждения!.. Понимал ли автор, как он роняет дело, которое взялся защищать?..

[^^^]

4

Выше автор сам же сказал, что раскол враждебен и гражданской власти так же, как церковной; а ниже он говорит, что раскол еще враждебнее государству, нежели церкви. Стало быть, если гражданская власть вмешается в это дело, то она может только увеличить раздражение раскольников.

[^^^]

5

Как прикажете рассуждать с подобным автором? То он говорит, что раскольники составляют анархическую толпу, не желающую знать ни церковной, ни гражданской власти; то уверяет, что раскольники потому только не обращаются, что правительство не дает приказания на это!.. Невозможно быть до того ограниченным человеком, чтобы не заметить противоречия этих двух мыслей; и потому мы имеем право предполагать здесь в авторе недобросовестную уловку. Он хотел подедей-

ствовать на известные лица и потому решил-
ся сначала запугать их тем, что раскольники
при малейшем послаблении бунт произведут,
а потом уж и приступить к убеждению, что
следует манифест выдать об обращении рас-
кольников... Уловка эта придумана недурно,
но прикрыта уж очень неискусно!..

[^^^]

6

А может ли правительство проникнуть в
сердце каждого из раскольников и определе-
тельно сказать, что такой-то держится раско-
ла по убеждению, такой-то по привычке, а
этот – из выгод? Не потребуется ли для такого
разбирательства нечто вроде инквизиции? И
не откроет ли это обширного поприща для
взяток и всякого рода злоупотреблений чи-
новников?

[^^^]

7

Какая гуманность! Автор не желает жечь и пытаться раскольников!.. Еще этого только и недоставало!..

[^^^]

8

Итак, автор не стыдится для привлечения людей к православию предлагать нечто вроде подкупа!.. Что за иезуитский склад мыслей!! И прочтите дальше: он и оправдывает-то эту меру чисто по-иезуитски. «Конечно, говорит, они не будут добрыми христианами, да зато вредить не будут!..» А где же Христовы правила, проповедующие пастырям заботиться прежде всего и больше всего о спасении душ своих пасомых? Может ли христианский пастырь с таким безнравственным равнодушием отзываться о душевном благе своей паствы? «Они, говорит, конечно, не исправятся такими мерами и не будут добрыми сынами церкви; да это ничего: лишь бы не вредили!» Ка-

кой коммерческий, барышнический взгляд на дело веры!..

[^^^]

9

Как по всему видно, автор желает, чтобы постоянно употребляемы были *строгие меры!*..

[^^^]

10

Сам того не замечая, автор указывает на способ, которым производится обращение раскольников. Он говорит: «Там, где гражданское начальство содействует». Значит, здесь разумеются не общие правительственные меры, а распоряжения частных, мелких начальников. А чем могут действовать частные начальники? Ведь не предоставлением гражданских прав и преимуществ обращающимся: это превышает их власть. Ясно, что они могут действовать только принудительными мерами... И автор радуется этому и хочет, чтоб

езде у нас распространялось слово истины евангельской подобным образом!..

[^^^]

11

Да ведь автор сам же говорит, что стоит манифест издать, и все раскольники обратятся! Какие же тут опасения пугачевщины? И стоит ли при этом обращать внимание на мнения – хоть бы Искандера с братиею? Мы не понимаем, почему автор как будто склоняется на эти мнения, выражая свой страх пред расколом: ведь он же сказал, что раскол есть не что иное, как невежество, что его держится бессмысленная толпа, не знающая даже никаких законов, не только что неспособная составить особое управление, и что, наконец, – раскольники вообще очень склонны к обращению, если только правительство выскажет ясное желание этого... Нам кажется, что автор совершенно сбился и спутался и наговорил совершенно противоположного тому, что хотел сказать.

[^^^]

12

К сожалению, сам автор не чужд такой же нетерпимости в отношении к раскольникам.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Все статьи этого сборника, за исключением одной – статьи Г. Грекова «Духовное звание в России», были опубликованы без указания имен авторов.

[^^^]

2

Рецензия Добролюбова на «Мысли Светского человека...» была опубликована в № 6 «Современника» за 1859 г. (IV, 405–409). Брошюра вышла в свет без имени автора – А. И. Муравьева (см.: Геннади Г. Справочный словарь о русских писателях и ученых, т. 2. Берлин, 1880, с. 352). Духовный облик этого холодного святоши охарактеризован Добролюбовым в рецензии на его книгу «Впечатления Украины и Севастополя» (IV, 278–284).

[^^^]

Добролюбов цитирует «Объяснение» М. П. Погодина (*РВ*, 1859, май, кн. 1), вызванное нападениями А. Н. Муравьева на автора «Описания сельского духовенства» и на самого Погодина как на человека, причастного к появлению этой книги. Здесь Погодин отстаивает правдивость «Описания...» и, видимо опасаясь за судьбу его автора, разъясняет, что книга была написана по его, Погодина, поручению и попала за границу из его рук, вопреки желанию и без ведома автора (подробнее об истории создания книги см.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 15, с. 115–130). О том, что опасения Погодина были не напрасны, свидетельствует сообщение «Колокола», что беспокойного священника «чуть было не сослали на каторгу и уж самое меньшее на Соловки» и что только заступничество одного из членов царской фамилии помешало этому (*Колокол*, 1859, 15 апреля).

4

Об этом говорится в «Послании к галатам св. апостола Павла» (гл. 2, 11–14).

[^^^]

5

Цитируется «Послание к цензору» 1822 года. Курсив Добролюбова.

[^^^]

6

Статья Г. Грекова «Духовное звание в России» была впервые опубликована в журнале «Духовная беседа», 1859, № 17.

[^^^]

7

Добролюбов приводит строки из запрещенного письма Белинского к Гоголю (1847), впервые опубликованного А. И. Герценом в «Полярной звезде» (кн. 1, Лондон, 1855)

[^^^]

8

Из стихотворения П. А. Вяземского «Станция» (1828).

[^^^]

Отец Парфений – основатель и игумен Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря, созданного специально для религиозной пропаганды среди старообрядцев; духовный писатель, много писавший против раскола.

[^^^]

Против преследования раскольников «Колокол» выступал с позиций свободы совести. Залог социалистического развития России Герцен видел в крестьянской поземельной общине, а не в религиозной общине старообрядцев, хотя и рассматривал раскол как форму социального протеста и потенциально революционную силу.

[^^^]

11

Термин «амплификация» многозначим. Добролюбов, по-видимому, употребляет его в значении, которое дает «Толковый словарь» В. И. Даля: риторическая фигура; многословие, ве-
леречие, повторение одного и того же разными словами.

[^^^]

12

Имя профессора римского права Московского университета Н. И. Крылова, близкого по своим взглядам к славянофилам, упоминается Добролюбовым неизменно в отрицательном контексте (см., напр., наст. изд., т. 1, с. 631).

[^^^]

13

Ироническая характеристика писателя и профессора Московского университета А. А. Прокоповича-Антонского содержится в рецензии Добролюбова на книгу Н. В. Сушкова «Московский университетский благородный пансион» (II, 459–465).

[^^^]

14

Ссылкой на свою рецензию «Постановления о литераторах, издателях и типографиях» (V, 171–177) Добролюбов подчеркивает условность проводимого им противопоставления духовной цензуры – светской: в этой рецензии, используя цензурные постановления, Добролюбов показал, что «пределы», поставленные литературе светской цензурой, очень стеснительны.

[^^^]

[^^^]